

5-10-2019

THE “PUSHKIN PHENOMENON” IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SYMBOLISTS

Dilfuza Rustamovna Pardaboyeva
Namangan State University

Follow this and additional works at: <https://uzjournals.edu.uz/namdu>

Part of the [Education Commons](#)

Recommended Citation

Pardaboyeva, Dilfuza Rustamovna (2019) "THE “PUSHKIN PHENOMENON” IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SYMBOLISTS," *Scientific Bulletin of Namangan State University*: Vol. 1 : Iss. 5 , Article 39.

Available at: <https://uzjournals.edu.uz/namdu/vol1/iss5/39>

This Article is brought to you for free and open access by 2030 Uzbekistan Research Online. It has been accepted for inclusion in Scientific Bulletin of Namangan State University by an authorized editor of 2030 Uzbekistan Research Online. For more information, please contact brownman91@mail.ru.

THE “PUSHKIN PHENOMENON” IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SYMBOLISTS

Cover Page Footnote

???????

Erratum

???????

«ФЕНОМЕН ПУШКИНА» В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ СИМВОЛИСТОВ

Пардабаева Дилфуза Рустамовна

Аннотация. В статье анализируется «Миф о пути» в сознании русских символистов, который тесно сливается с творчеством А.С. Пушкина. Поэт является отправной точкой в понимании быстротечности жизни, в изменчивости проявлений жизни, в связях с природными изменениями и образом дороги, который стал одним из определяющих для всей русской литературы.

Ключевая лексика. «Миф о пути», русский символизм, традиции, новаторство, тема произведения.

RUSS SIMVOLISTLARI IJODIY ONGIDA “PUSHKINNIG FENOMENI”

Пардабаева Дилфуза Рустамовна

Annotatsiya. Maqolada A.S.Pushkin ijodi bilan uyg'unlashib ketgan «Миф о пути» («Yo'l haqida afsona»)si russ simvolistlarning tasavvuridagi misollar asosida tahlil qilinadi. Shoir tabiiy o'zgarishlarga bog'liq holda hayotni tezligini namoyon bolishini, unining tabiiy o'zgaruvchanligini va yo'l timsolida, barcha russ adabiyotini aniqlovchi omillaridan biriga aylanib qolganligini tushuntirishda boshlang'ich nuqtasi hisoblanadi.

Kalit so'zlar: “Yo'l haqidagi afsona”, rus simvolizmi, novatorlik, an'analar, asar mavzusi.

THE “PUSHKIN PHENOMENON” IN THE CREATIVE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SYMBOLISTS

Pardaboyeva Dilfuza Rustamovna

Abstract. The article analyzes the “Myth of the Way” in the minds of Russian Symbolists, which merges closely with the work of A.S. Pushkin. The poet is the starting point in understanding the transience of life, in the variability of the manifestations of life, in connection with natural changes and the image of the road, which has become one of the determining factors for all Russian literature.

Key words: “The myth of the path”, Russian symbolism, traditions, innovation, the theme of the work.

Начиная с 1840-х гг. каждое значительное явление русской литературы создавало «своего Пушкина». Поэтому контуры «символистского Пушкина» были очерчены и существенно предопределены не только мирозерцанием художников «нового искусства», но и сложившейся в 1880-х гг. общей культурной ситуацией.

«Миф о пути» в сознании русских символистов тесно сливается с творчеством А.С. Пушкина. Поэт является отправной точкой в понимании быстротечности жизни, в изменчивости проявлений жизни, в связях с природными изменениями и образом дороги, который стал одним из определяющих для всей русской литературы.

Это хорошо видно на истории статьи Н. Минского «Старинный спор», иногда считающейся первым символистским манифестом.

Такое осмысление «феномена Пушкина» близко и первой символистской работе о нем — статье Д. С. Мережковского «А. С. Пушкин», которая была впервые опубликована в 1896 г.

С точки зрения Мережковского, Пушкин — поэт высоко гармонического мирозерцания. В его взглядах органически синтезируются различные непримиримые противоречия внутри культур и человеческого сознания. Отсюда — постоянная параллель между Пушкиным и Гёте и устойчивое противопоставление Пушкина Байрону.

Историю культуры, по Мережковскому, составляют вечное противостояние и борьба «языческого» (богоборческого, индивидуалистического, героического, эстетически ориентированного — «эллинистического», гармонического), а также и «христианского» (богопокорного, народного, жертвенного, этически ориентированного) начал.

Статья Мережковского, при всей ее полемической дискуссионности, была заявкой на создание целостной философской концепции пушкинского творчества. Установка эта прошла через весь символизм и завершилась «Речью о назначении поэта» Блока (1921).

История русского символизма обычно рассматривается как поэтапное изменение единой художественной системы: «старший символизм», или «декадентство» 1890-х гг., сменяется «младшим», или символизмом в узком смысле слова (1900-е гг.); в конце 1900-х — начале 1910-х гг. наступает период «кризиса» символизма, завершающийся приходом в литературу пост символистских группировок.

В этой концепции настораживают два момента.

Во-первых, дихотомия «декаденты — символисты» слишком явно восходит к представлениям, высказывавшимся во время внутри символистских полемик.

Во-вторых, бросается в глаза, что творчество многих выдающихся художников-символистов развивается по собственным законам, совсем не в русле официальных концепций, а порой и параллельно друг другу:

- творчество Ф. Сологуба как поэта и ряда других активных участников символистского движения 1900-х гг. почти никогда (Сологуб, К. Д. Бальмонт) или никогда (Брюсов) не порывало ни с глубинной «картиной мира», ни с поэтикой «декадентства», хотя явно эволюционировало за два десятилетия;

- в определённые периоды творчество Блока, Андрея Белого (а также И. Коневского, Вл. Пяста и др.) развивалось в направлении, как бы диаметрально противоположном общей эволюции символизма: от «соловьёвской» мистической утопии к «декадентскому» скепсису, иронии и погружению в мир а - догматической реальности;

- такой крупный художник, как И. Анненский, (1) не может быть понят ни как «старший» (отсутствие «апологии зла»), ни как «младший» символист (чуждость мистической вере в «Красоту, спасающую мир»).

Символистский «пан-эстетизм» в русской литературе проявился в трех основных вариантах:

- 1) «пан - эстетическое» начало;
- 2) мир «пан - эстетического» мыслится утопически;
- 3) «пан - эстетическое» в формах красоты и гармонии предстоит как высшая ценность.

Наблюдения над сменой отношений символизма, в процессе его развития, ко всем этим фактам национальной и мировой культуры резко усложнит, но и уточнит «рисунок» его эволюции.

Другая важная для нас сторона брюсовского творчества 1900—1906 гг. — образ героя его лирики.

Герой у Брюсова, (2) как и у всех символистов этих лет, связан с решением «извечной» романтической проблемы «я» и «другие», как проблемы «поэт и люди», «искусство и революция». Героичный, активный, влюбленный в жизнь и потому «психологически созвучный» эпохе, лирический «я», связанный с поэтическим идеалом Брюсова.

Существенное отличие поэта у Брюсова и у Вяч. Иванова: брюсовский поэт может быть пророком, «магом» или Учителем, но может и не быть им. Отношения его с «толпой» хотя и подчиняются общим законам истории, но, в то же время, принципиально многолики.

Брюсов в целом (особенно в 1905—1907 гг.) чужд младо-символистской утопии преобразования мира Красотой.

Иначе шли к революции и самопознанию своего места в ней А. Блок и Андрей Белый. Их пути, имеющие единый генезис, но разные внутренние импульсы, расходятся достаточно рано.

Выход в 1904 г. сборников «Стихи о Прекрасной Даме» и «Золото в лазури» был не только вступлением в литературу символистов «второй волны», но и новым выявлением «предреволюционности» в искусстве.

Блок не менее ярко ощущал свою призванность на подвиг, на «одно земное дело: дело освобождения пленной царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса».

Отдав в 1901—1902 гг. дань мотивам «колдовства» как художественного, а затем и жизненного преобразования реальности, Блок, однако, в глубине своего переживания мира, ощущал свою роль иначе. Поэт («я») для Блока, (3) прежде всего, — Свидетель совершающегося в мире, изобразитель (но не всегда — отгадчик) таинственных знаков Сущего в мире земных явлений. Такое самоощущение было для него исконным.

Отсюда — совершенно различное переживание трагизма «угасанья зорь». Правда, для обоих художников творческий кризис не стал кризисом творческой активности: оба они в годы революции и последующие годы вырастают в больших поэтов русского символизма. Но пути их с каждым годом расходятся.

Для Белого мир «погасших зорь» почти до конца 1900-х гг. оставался единственной и страшной реальностью. Так воспринимал он и события своей сложной судьбы, и революцию 1905—1907 гг., и наступившую затем реакцию. Отсюда — универсальность для Белого мотива смерти: гибнет город, расстреливаемый в дни революции («Похороны», 1906), гибнет старая, помещная Россия, гибнет на своих безнадежных просторах Русь крестьян и бродяг (цикл «Горемыки» и другие в сборнике «Пепел», 1909). Гибнет и поэт — непризнанный Мессия, «лжехристос» (тема эта идет через отдел «Багряница в терниях» к «Пеплу»).

Трагизм лирики Белого не является его «слабой стороной»: именно на почве «неприятя мира» вырастают и его образы революционера. Именно он является центром, средоточием «испепеленного» мира, его порождением и сознанием, его порождающим. Лишь в конце 1900-х — начале 1910-х гг. Белый вновь находит те живые слова, которые он, художник, должен сказать миру.

References:

1. Kolobaeva L.A. *Konsepsiya lichnosti v russkoy literature rubeja 19 -20 vekov.* – M.: Nauka, 1990.
2. Lomtev S.V. *Proza russkix simvolistov.* – M.: Plamya, 1994.
3. Maksimov D.E. *Russkie poeti nachala veka: Ocherki.* – L.: Nauka, 1986.